

БОРИС ДЫНИН

К алейдоскоп

Борис Дынин
Калейдоскоп. Сборник

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Дынин Б. Г.

Калейдоскоп. Сборник / Б. Г. Дынин — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

А что такое калейдоскоп? Виртуальный мир драгоценных камней? Сапфиры, яхонты, топазы, алмазы и жемчуга? Нет, это череда событий, явлений, лиц и встреч, что подарила мне судьба. Моё богатство – это служба на четырёх флотах нашей необъятной многонациональной страны, а также в Лаосской Народно-Демократической Республике. Мне есть чем гордиться, у меня есть опыт, который, возможно, многим пригодится. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предыстория	5
Часть 1. Тихоокеанский флот	8
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Предыстория

Родился я в городе Владивостоке в интеллигентной семье. А на Маресьеве, можно сказать, вырос. Я-то не помню, но мама говорит, что бабушка, когда кормила меня, то читала мне вслух только что опубликованную книгу «Повесть о настоящем человеке». Наверное, для улучшения пищеварения. Мама моя – уникальная и яркая личность, доцент кафедры английского языка филологического факультета ДВГУ (Дальневосточного государственного университета), а папа – полковник, командир «Военморпроекта». Следы его деятельности до сих пор видны во Владивостоке.

Есть там кафе «Пингвин» в центре города. Когда это здание проектировал «Военморпроект», который возглавлял мой папа, то возникла такая проблема. У входа в это здание росло неохватное дерево. И, чтобы его сохранить, проектировщики решили отодвинуть здание в глубь от красной линии, по которой должны располагаться дома. А когда началось строительство, то первое, что сделали строители, – срубили это дерево, так как оно мешало им подвозить стройматериалы. Таким образом, стоит сейчас этот «Пингвин», несколько отдалённый от улицы. Интересно, а остался ли пень?

Есть во Владивостоке Матросский клуб (ул. Светланская 68). Так вот, пол в этом клубе покрыт плиткой по эскизам, взятым из бабушкиной дореволюционной книги о вязании.

И ещё. Мы жили на улице Посъетской, 17, – там, где были кассы «Аэрофлота». А чуть ниже по направлению к морю запроектировали дом. Но он мог закрыть вид на море из окна нашей квартиры. И папа приказал отодвинуть дом – опять же от красной линии – влево, дабы он не загораживал вид.

И жил я беззаботно, окончил школу, поступил и окончил строительный факультет Дальневосточного политехнического института (ДВПИ) по специальности «Теплогазоснабжение и вентиляция». Поступил на работу в Дальневосточный технологический институт бытового обслуживания населения с перспективой быть направленным в целевую аспирантуру в Москву. Сдал кандидатский минимум по философии и английскому языку, а по специальности у меня к тому времени уже были три печатные статьи в сборнике статей Приморской научной конференции. И жизнь впереди казалась ровной, светлой и ясной. Но тут в мою жизнь вмешалось Министерство обороны. Окончил я ДВПИ, включая военную кафедру и пройдя офицерские сборы по военноучётной специальности (ВУС) 1409 – командир пускового взвода ракет среднего радиуса действия, класса «земля-воздух» войск ПВО (противовоздушной обороны) страны. И присвоили мне звание младший лейтенант запаса.

И вот тут Родина вспомнила обо мне. И стала слать мне повестки, которые я, наивный, отправлял спокойно в мусорное ведро. Но однажды раздался звонок в дверь, и я её открыл. Там стоял парень и протягивал мне повестку. На этот раз не обычную – с красной полосой и надписью, что в случае неявки меня доставят в военкомат в сопровождении милиции. А парень, чуть не плача, сообщил, что у него жена на сносях, а его собираются забрать в армию. И, если я не подпишу корешок повестки, то его точно заберут. Я и подписал.

А наутро я пошёл в свой вуз, но вначале решил посетить военкомат. Встретили меня там как дорогого гостя и провели в кабинет военкома, который попросил предъявить паспорт. Что я, бестолковый, и сделал. Военком небрежно бросил мой паспорт к себе в сейф и сказал: «А теперь иди!» А на мои попытки объясниться он красочно рассказал, что ждёт меня двухгодичное пребывание в посёлке Чернышевка, где мы проходили сборы, и где стояло всего два двухэтажных домика, а дальше – «степь да степь кругом». Вышел я из этого заведения, ошарашенный, и отправился к проректору вуза. Рассказал ему свою грустную историю. А он быстро принял решение послать в аспирантуру другого претендента, вычеркнув меня из списка, и

пожелал мне счастливого пути в Вооружённые Силы СССР. И вот тут я осознал, как может себя чувствовать отрезанный ломоть у разбитого корыта. Родители мои были в это время на курорте. Ни совета, ни помощи. Надо было что-то решать самому. Ну, я и решил.

А структуру военно-строительных органов Тихоокеанского флота я знал. И была там такая организация УМР – Управление монтажных работ. Туда я и направился утром. Встретился я с командиром этой части и рассказал ему свою горестную историю. И по его совету тут же у него на столе написал рапорт о своём желании отдать долг Родине. Провожая меня, командир сказал: «А вот теперь можешь не беспокоиться ни о военкомате, ни о своём паспорте. Иди и жди!» Ну, думаю, вот придет папа, и мы разберёмся. Однако меня ждало ещё одно разочарование, поскольку папа сказал: «Ну.., и что ж, послужи!».

Вот так я попал в Вооружённые Силы СССР. То есть подписал с государством контракт. Со своей стороны, я брал на себя обязательства соблюдать условия игры, признать, что:

«...счастье не в том, что один за всех, а в том, что все – как один!»,

«...вместе со всеми ты скажешь – да! И вместе со всеми – нет!»

(это строчки из песни Александра Галича «Ещё раз о чёрте»).

И согласиться на то, чтобы:

– Лишиться всех прав и свобод, выполняя только обязанности;

– Месить глину и грязь, снег и сугробы сапогами, в то время, как другие добираются на работу на троллейбусах;

– Служить там, куда даже какой-то Макар телят не гонял;

– Не спать, и быть готовым по тревоге вскочить и куда-то мчаться;

– Отдать свою жизнь, если нужно, Родине. (Слава Богу, этого не потребовалось.)

А взамен государство брало на себя обязательства:

– Кормить, поить и одевать меня;

– Отпустить меня на свободу с чистой совестью в 45 лет;

– Назначить мне достойную пенсию;

– Обеспечить меня квартирой;

– Предоставить мне возможность купить машину без очереди.

Вот такой вот контракт. И я посчитал его приемлемым и подписал, ясно представляя последствия. И носило меня, как кленовый листок... И в конце мы расстались с государством по обоюдному согласию, выполнив полностью все взятые на себя обязательства. И тихо разошлись, в полном согласии друг с другом.

А пришлось послужить на всех флотах. В такой вот последовательности:

– Тихоокеанский флот,

– Черноморский флот,

– Балтийский флот,

– Лаосская Народно-Демократическая Республика,

– Северный флот и его важная частица – архипелаг Новая Земля.

А точнее:

(1971-1976) Тихоокеанский флот

Место жительства: пос. Приморский, он же пос. Советский, он же город Петропавловск-Камчатский-50, теперь город-порт Вилючинск.

Должность: производитель работ, а с 1972 г. – начальник участка.

Звание: лейтенант, а затем старший лейтенант.

(1976-1978) Черноморский флот и Одесский военный округ

Место жительства: г. Арциз Одесской области.

Должность: та же.

Звание: то же.

(1978-1982) Балтийский флот и Прибалтийский военный округ

Место жительства: г. Рига (1978-1980) и г. Ленинград (1980-1982).

Должности: старший помощник начальника монтажного направления, а с 1980 по 1982 гг. – заместитель начальника производственного отдела.

Звание: капитан, позднее майор.

(1982-1985) ЛНДР

В 1982 г. был откомандирован в распоряжение Десятого Главного управления генерального штаба и направлен для дальнейшего прохождения службы в Лаосскую Народно-Демократическую Республику в должности главного инженера-консультанта, начальника группы.

(1985-1991) Северный флот

Должность: начальник СМУ (Специализированного монтажного участка).

Часть находилась в г. Мурманске.

Место проживания: пгт Белушья губа архипелага Новая Земля.

И вот теперь, выброшенный после шквалов, штормов и ураганов на берег, после полного завершения контракта с государством, я вспоминаю отрывки и сценки из моей жизни... Как в калейдоскопе. И подумал я, а, может быть, кому-нибудь, кроме меня, это тоже будет интересно?..

Часть 1. Тихоокеанский флот

*А если очень повезёт,
Тебя дорога приведёт
На Тихоокеанский флот.*

Гауптвахта

Когда я вспоминаю свои лейтенантские годы, то на ум приходят две вещи: это постоянное чувство недосыпания и слово «врезка». Конечно, не в смысле «врѣзать», то есть выпить, хотя там хватало и этого. Врезкой назывался процесс подключения нового объекта к действующим водопроводным или тепловым сетям. Происходило это, как правило, ночью. Прокладывается новый трубопровод, который утыкается в трубу действующей сети. Потом отключается сеть, и всё окружающее остаётся без воды. Дальше открываются сливные краны, и мы ждём, когда же труба опустеет и можно будет производить врезку. Но обычно место врезки располагается в самой нижней точке сети, и вода уходит оттуда в последнюю очередь. Вот такую врезку я делал как-то в гарнизоне Петропавловск-Камчатский-50. Ждали мы всю ночь, а вода не стекла. Поняв, что ждать дальше уже невозможно, мы начали пытаться сделать врезку при наличии в трубе воды. Тем временем настало утро, начальник гарнизона направился в ванную для утренних водных процедур. А воды в кране нет. А каждый советский военачальник (на то он и командир) – большой умелец в принятии командирских решений. Он позвонил в штаб и приказал: «Дать воду, найти виновных и наказать!»

Мы к этому времени уже победили эту «паршивую» воду и доваривали последний шов. А тут к месту врезки подъехала комендантская машина, и меня пригласили внутрь. В комендантуре я предстал пред ясные очи коменданта гарнизона. А комендант этот был фигурой заметной. Любимым его занятием было выходить после обеда к толпе офицеров, которые ждали автобус, и с пристрастием их рассматривать. Он подкрадывался сзади к офицеру и неожиданно приказывал ему: «Кругом!» Затем проверял состояние шва на его шинели и в случае, если этот шов был прихвачен, как это делается в ателье, то он разрезал этот шов бритвой, приговаривая при этом: «Вот я тебе сейчас зад-то и раскрою!»

А однажды на утреннем совещании у начальника гарнизона он начал свой доклад с замечания этому начальнику гарнизона: «Товарищ полковник, у Вас носки неуставные!» Начальник снял очки, протёр их, потом снова нацепил и молвил коменданту: «Дронченко! Ты был капитаном 15 лет. На шестнадцатый я тебя сделал майором. Но это моя последняя ошибка!»

И вот я доложил этому коменданту о своём прибытии. Он мало что понял, слушая мой доклад, позвонил начальнику штаба. Потом, почесав затылок, написал в графе о причине задержания: «Самовольный порез трубы!». По всему было видно, что этого основания для него было недостаточно. И он скомандовал: «Кругом!» Я повернулся. А он, увидев у меня торчащие из-под фуражки волосы, радостно дописал что-то про «личную недисциплинированность». Как только я добрался до нар в камере, тут же свалился и уснул. Разбудил меня грозный рык моего командира, прибывшего из неблизкого Петропавловска-Камчатского на предмет освобождения своего подчинённого. «Лежишь, отдыхаешь!!!

А кто работать будет?» И я вышел на свободу — с чистой совестью, но всё равно с чувством недосыпа.

На СРЗ

Одним из мест моей трудовой деятельности за время службы был строительный участок №2, располагавшийся на судоремонтном заводе (СРЗ). Завод этот занимался ремонтом

атомных подводных лодок, к причалу этого завода было пришвартовано много кораблей, в том числе и транспорт «Забайкалье», он использовался как ПКЗ — плавучая казарма. Там жили матросы с ремонтирующихся лодок. Кроме того, там находился штаб флотилии надводных кораблей, командиром этой флотилии был в то время капитан первого ранга Капитанец. Известная и легендарная личность, но это отдельный разговор.

Вот что с ним тогда приключилось. Корабль наш был финской постройки, значит, снабжён хорошей сауной. Когда командующий намеревался попариться, то, естественно, весь личный состав с этой палубы убирался. И вот однажды вестовой командующего, мичман, нагрел сауну и потом сам удался, забрав с собой форму командующего, чтобы её почистить и погладить. А шеф остался наслаждаться сауной, а она, как известно, была сухая и жаркая. Наш командующий, поддав ещё пара и хорошенько напарившись, решил отдохнуть, усевшись на скамейку в предбаннике. Судно, напоминая, было финской постройки, а скамейка была выполнена из реек. Когда шеф садился на неё, рейки были сухие, а, пропитавшись влагой, они разбухли. И вот получилось так, что интимные части командующего оказались зажаты между этими рейками: вправо-влево — пожалуйста, а вверх-вниз — ну ни в какую. Тут кричи не кричи, а рядом-то никого. Когда же мичман вернулся с отглаженной формой, наш Капитанец мог только шёпотом материться, причём по-армянски. В результате мы содрали эти рейки со скамейки и прибили вместо них широкую полированную доску. А те рейки я забрал к себе в контору и прибил на стену, куда вешают одежду. Таким образом моя ничем не примечательная конторка обогатилась, можно сказать, музейным экспонатом, то и дело напоминаяшим мне о том нешуточном случае с командующим.

И ещё о Капитанце

Близилась учения «Океан». И перед ними на одном из совещаний обсуждался вопрос о бдительности и охране объектов. Естественно, было приказано повысить бдительность и усилить охрану. С целью проверки выполнения этих решений командующий вызвал в кабинет десять матросов и, выдав каждому бумажку с номером части, сообщил им, что каждому матросу, позвонившему сюда из этой части, будет предоставлен отпуск на родину. Вышли матросики на улицу и давай сообщать. Вот, к примеру, в/ч 76543-ж. Понятно, что «ж» — это эсминцы. Подходит к кораблю матросик и спрашивает у вахтенного: «Слушай, братан, а вот эта часть здесь? Понимаешь, иду я в отпуск, и мне обязательно надо повидать землю. Пропусти, пожалуйста!» Таким образом он проникает на корабль, находит кают-компанию, где в полурасстёгнутом ки-теле командир корабля, капитан 2 ранга, вальяжно попивает чаёк. И, отдав честь по всей форме, наш матросик просит разрешить ему сделать очень важный звонок по телефону. Разморённый чаем командир разрешает. И уже через некоторое время стоит по стойке смирно, и получает вливание от командующего. Из десяти посланных на эту операцию матросов, доложились восемь (!) человек. Вот такая у нас бдительность.

Когда командующий изложил офицерскому собранию эти нелицеприятные детали состояния боеготовности частей и соединений, то один из командиров, начальник гарнизона Петропавловска-50, командир одной из важнейших частей, доложил, что у него-то, как он выразился, «даже мышшь не пролетит!». Капитанец это отметил и на завтра поручил своему помощнику, мичману, проникнуть на территорию этой части и доложить. Тот подошёл к воротам части, уселся на лавочку напротив КПП (контрольно-пропускного пункта) части, как раз у комендатуры гарнизона, и стал наблюдать. Парень он был наблюдательный и заметил, что проверяются все автомобили, кроме самосвалов. Им в кузов дежурный матрос не заглядывает. Тогда всё стало понятно, и мичман быстренько запрыгнул в кузов очередного въезжающего самосвала. И, естественно, позвонил от дежурного по штабу командующему. Долго ещё в гарнизоне вспоминали о летающих мышах.

Приближался юбилейный День Победы

Приказом командующего флотилией торжественные мероприятия должны были проводиться в помещении актового и спортивного залов одной из школ. Подготовительные мероприятия включали в себя аренду автомобилей «Волга» ГАЗ-24 у всех командиров частей гарнизона. И вот праздник наступил. С докладом выступил командующий флотилией. В заключение доклада он сообщил, что официальная часть закончена, так что присутствующие приглашаются в спортивный зал, но, поскольку нагрузка ожидается серьезной, то тем, кто может не справиться с этой нагрузкой, разрешается покинуть данное мероприятие и разъехаться по домам на ожидающих у выхода автомобилях. В спортивный зал пошли, естественно, все. Посредине зала стоял стол. Вдоль стен выстроились в полной готовности официанты. Стульев не было. Во главу стола встал командующий. Официанты подбежали и налили каждому по 100 «наркомовских грамм», накрыв кусочком хлеба; и командующий произнёс пять тостов подряд. Конечно,

- за победу,
- за нашу страну,
- за руководителя и вдохновителя наших побед (нет, не Сталина, а КПСС),
- за того парня,
- за наши Вооружённые Силы, включая ВМФ (Военно-Морской Флот).

Естественно, официанты не забывали пополнять стаканы. А после этого подали горячее и, наконец, внесли в зал стулья.

Да, были времена... А ведь всего через несколько лет этот же Капитанец, будучи уже командующим Северным флотом, объявил столицу флота город Североморск безалкогольной зоной.

Визит главкома

О визите главкома я узнал случайно. Ещё вчера я занимался прокладкой теплосети к зданию столовой, которое располагалось около главного входа на завод. Строителями уже была отрыта траншея, завезены и

уложены лотки, а я организовал доставку труб, которые даже были размещены в лотках. А сегодня, подходя к проходной, я не узнал местность. Напротив столовой блестел свежееужоженной травой газон. Как будто не было и в помине ни траншеи, ни лотков, ни моих труб. Я побежал в УНР (Управление начальника работ) узнать, в чём дело, но встреченный мной по дороге главный инженер сообщил мне: «Не волнуйся. Когда он уедет, то мы всё снова раскопаем». Так я узнал об ожидающемся посещении завода главкомом ВМФ. И поплёлся я к проходной. А там увидел, как в конце центральной аллеи суетились матросы под руководством начальника завода капитана первого ранга Пирвелли Г.М.

Они тщательно протирали асфальт швабрами, смоченными в солярке. Дорога сверкала чисто вымытым асфальтом и сильно пахла соляркой. А перед проходной я увидел машину с грузом, пришедшую ко мне. Процесс пропуска машин через КПП был не так-то прост. Если шофёром был солдат, тогда я забирал его из кабины, проводил через КПП, небрежно сказав: «Это со мной». Потом возвращался, садился за руль, проезжал КПП и передавал снова машину солдату. А вот если шофёром был гражданский, то мне приходилось доставлять машину до точки разгрузки лично. И всё бы ничего, если это была просто машина, а вот когда она была с прицепом, то начинался цирк. Мне надо было загнать машину задним ходом и попасть в узкие ворота цеха. Вокруг собиралась толпа, глазающая на этот аттракцион и дающая советы.

В этот раз так и было. Шофёр был гражданский, так что я уселся за руль и въехал на территорию завода. Я не знаю, по каким дорогам этот автомобиль добирался сюда, но все его колёса были заляпаны глиной, которая с чваканьем отделялась от колёс и падала на чисто вымытый асфальт. Проехать по нему мне надо было каких-то пятьдесят метров, а потом повернуть направо по дороге к строящемуся цеху. Когда я уже поворачивал направо, то столкнулся

взглядом с начальником завода, который во главе своих матросов со швабрами уже мчался в моём направлении. В его глазах, направленных на меня, читалось всё... Но я всё-таки доехал до точки разгрузки, вылез из кабины и побежал на балкон 19-го цеха, чтобы наблюдать за проходом главкома.

А группа офицеров и адмиралов уже выслушала доклад начальника завода о только что принятом в эксплуатацию цехе-19 и двинулась дальше по свежeweымытой аллее, вдоль которой стояли плакаты с грозным призывом: «Не курить!». И тут главком притормозил и стал оборачиваться. А поскольку шеи у него не наблюдалось, то он поворачивался мелкими шагами, пока не упёрся взглядом в командующего КТОФ (Краснознамённого Тихоокеанского флота), который держал во рту длинную сигарету.

– А что это Вы здесь раскурились, товарищ командующий Краснознамённым Тихоокеанским флотом?»

– Виноват! – ответил командующий и чуть ли не проглотил сигарету.

И группа двинулась дальше по направлению к цеху-17. А пускать главкома в этот цех было категорически нельзя. Цех был сдан под монтаж, но строительные работы были не совсем окончены, а если уж говорить честно, то совсем не окончены. Но идея главного инженера УНР сработала. Группа офицеров вошла в цех. И в это же время из дальнего конца цеха с грохотом на них стала выдвигаться кран-балка, на крюке которой висел огромный ящик. Начальник завода сквозь шум доложил главкому: «Идёт монтаж оборудования». И группа вышла на воздух, направляясь к ожидающему их катеру.

Главком и его команда погрузились на катер и двинулись в посёлок Рыбачий, ныне город Вилючинск, на открытие памятника погибшим подводникам. Но это уже была другая зона ответственности. А мы разошлись, переваривая, как главком отчитал комфлота.

Анатолий Смарыго и 17-й цех

Самым главным военным строителем Камчатки, то есть начальником УИРа (Управления инженерных работ), был назначен полковник Смарыго А.К. Его окружению так и не было понятно, когда же он спит. Окно в его кабинете светило постоянно. А его привычка на ночь глядя мчаться на какой-нибудь сдаточный объект не давала никому расслабиться. А у нас на заводе всё никак не хотел сдаваться цех №17.

И вот картинка. Прибывает Смарыго на объект часа так в два ночи, проходит на середину цеха. Ему выносят стул, и он, усевшись на него, спрашивает дежурного солдата: «А где все?» И начинается всеобщая паника. Через некоторое время в цехе собираются все, так сказать, заинтересованные люди. В том числе и вырванный из койки и не успевший позавтракать я. И начинается разбор полётов.

– Вы собираетесь сдавать объект? Или как? Или у вас тут будет продолжаться сонное царство? А ну-ка срочно приготовить графики окончания работ и предоставить мне на рассмотрение.

Мы разбегаемся по помещениям и начинаем колдовать над графиками. А потом по очереди докладываем их суть начальнику. Надо признать, что Смарыго мог выловить ключевые моменты с поставкой материалов и оборудования, нехваткой людей, решением разных технических вопросов. И, что более важно, оперативно решить эти вопросы. Вот так, например, я вынужден был мчаться на грузовике той же ночью в свою часть, получать там комплекты унитазов и умывальников, которые мне не были доставлены вовремя, и следовать обратно.

Да... Смарыго сейчас бы назвали эффективным менеджером. И было понятно, что его довольно скоро переведут куда-то на повышение. Так и произошло, его перевели во Владивосток на должность начальника ДВМС («Дальвоенморстроя»). Но и там он не сменил привычный для себя режим. А поскольку долго в таком режиме продолжать работать нельзя, то он весьма скоро ушёл из жизни. Светлая ему память.

Свет в цехе

В 1974 году посетил Камчатку начальник Главного штаба ВМФ, адмирал флота Сергеев Н.Р. Прибыл он для вручения вымпела министра обороны «За мужество и воинскую доблесть» командиру подводной лодки К-408. Потом, естественно, состоялся банкет. После банкета командиры и гости погрузились на катер, чтобы пройти вдоль побережья и посмотреть, как выглядит освещённый берег, судоремонтный завод и только что сданный в эксплуатацию новый цех этого завода. Командиру УНР поступил приказ включить полное освещение объектов. Что и было выполнено.

Только в 20 часов произошла авария, и освещение нового цеха погасло. Мой коллега, начальник электромонтажного участка, бросил все свои силы на устранение этой аварии под постоянные вопли командира УНР, но устранить её последствия и включить в цехе свет ему удалось только в шесть часов утра. Утром мы сидели в кабинете командира УНР и понуро ожидали реакции командования на это событие. Раздался телефонный звонок. И... командира поздравили с тем, как ярко были освещены все объекты, а также передали благодарность адмирала. Мы все с облегчением выдохнули, правда, нам и до сих пор непонятно, куда это они смотрели.

Построение карьеры с помощью жены

На рейде города Петропавловск-50 время от времени мы наблюдали корабли «Чажма» и «Чумикан» с характерными шарами наверху. Это были корабли 35-й бригады кораблей измерительного комплекса (КИК). Народная примета гласила, что через некоторое время после ухода этих кораблей в море произойдёт какой-нибудь космический пуск. А о том, когда корабли вернутся, свидетельствовали телеграммы, которые получали жёны моряков. Ну, например, такие: «Жарь, вари и стол накрой. «Чумикан» идет домой!». А перед самым их возвращением по приказу политотдела в кинотеатре останавливали фильм, включали свет и громкогласно объявляли: «К сведению встречающих. В базу входят корабли». И тут некоторые парочки распадались, и жёны мчались накрывать праздничные столы. Вот так политотдел стоял на страже нравственности морских офицеров.

А у нас в СМУ было три женщины. Это кладовщица, инженер СМУ и нормировщица. Муж этой нормировщицы, капитан-лейтенант, служил на «Чумикане» вот уже пятый год в должности механика. Родом они с мужем были из Ленинграда. Спали и видели своё возвращение в этот город. И даже в каждом отпуске находили организацию, которая была готова пригласить каплея к себе. Вернувшись из отпуска, привозили это предложение о своём переводе в Ленинград, передавали командованию, но на этом всё и заканчивалось. И вот тогда в голове нашей нормировщицы созрел коварный план. Она стала писать письма от имени мужа. Притом всё это происходило на наших глазах, мы даже помогали ей с формулировками. А писала она по возрастающей линии:

- командиру 35-й бригады КИК,
- начальнику политотдела этой бригады,
- командующему Тихоокеанским флотом,
- члену Военного совета флота,
- министру обороны СССР,
- начальнику Политуправления Армии,
- лично Леониду Ильичу Брежневу.

И вот стали приходиться ответы. Первым пришёл ответ от Брежнева. Текст писем был, как под копирку, одинаков: «Ваше письмо отправлено на рассмотрение», и дальше следовало название учреждения. Таким образом, все её письма скопились в 35-й бригаде, которая находилась на соседней улице. Там подумали-подума-ли и приняли решение. А капитан-лейтенант

тем временем нёс свою непростую службу среди океана. И тут его вызывает командир корабля и предлагает: «Мы решили создать должность главного механика «Чажмы» и «Чумикана». И назначить на эту новую должность тебя! Естественно, с присвоением тебе очередного звания – капитана третьего ранга». Капитан-лейтенант, конечно, согласился, и уже через несколько дней примерял новые погоны. Жена же получила, наконец, заветное письмо от командира бригады: «В связи с тем, что Ваш муж назначен на вышестоящую должность и ему присвоено звание капитана 3-го ранга, вопрос о его переводе отпадает».

Ну а когда в базу вошли корабли, и счастливый каптри (капитан 3-го ранга) сбежал с трапа на встречу с женой, хвастливо показывая свои новые погоны, то услышал вместо поздравлений: «Ну и дурак! Мы жили бы сейчас в Ленинграде!»

Мыс Лопатка

Шофёр нашего СМУ был заядлым охотником и рыболовом. И вот однажды он уговорил народ проехать на самую крайнюю оконечность Камчатского полуострова, на мыс Лопатка. Сели мы на наш ЗИЛ-131 и поехали. Вот тогда я впервые в жизни узнал, что такое бездорожье. Машина пробивалась сквозь деревья и кусты, преодолевала по кузов всяческие водные преграды, и вдруг мы вырвались на свободу. Перед нами простиралось голубое море. Прекрасные песчаные пляжи, — почище тех, которые я видал много позднее во всяческих тропических странах.

Бухта была с довольно узким входом. Примерно по центру в неё впадала река. Тотчас бросились в глаза последствия пронесшегося здесь цунами. Волна его ворвалась в бухту и ударила вправо и влево. А там находился посёлок, жили люди, и на берегу стоял рыбообработывающий завод. Волна была такой силы, что, ударив по домам, снесла все стены, оставив только каркасы этих домов, похожие на спички. Досталось и заводу. Все его бетонные конструкции в результате удара потеряли бетон, оставив только изогнутую и покорёженную арматуру. И на полу остались только засолочные ямы, наполненные какой-то зелёной жижей. Люди так и не вернулись в эти места.

Мы проехали по берегу и только было начали поворачивать в лес вдоль реки, как вдруг узнали, что наша граница действительно на замке. Рядом с нами приземлился пограничный вертолёт, и тут начались разборки. В конце концов вопрос был улажен. Пограничники убедились, что мы не шпионы, и улетели восвояси. А дальше мы приступили к процессу браконьерства. Происходило это так.

Наш товарищ перебрался на другую сторону реки и закрепил там за дерево один конец сети. Мне же и ещё одному парню выдали по макушке срубленного дерева, и мы направились снизу вверх вдоль реки, хлопая этими деревьями по воде. А вода была прозрачная, и было хорошо видно, как косяки большущих медлительных рыб лососёвой породы идут прямо на натянутую сеть. А за ними, будто торпедные катера, стайей мчались пятнистые хищники — рыба кунджа — пожиратель икры из рода гольцов семейства лососёвых. С виду противная, вся в белых пятнах. Река же кончалась озером, где рыбины занимались продлением рода, брачевались. Освободившись от природных обязательств, самка и самец ещё пару дней охраняли место рождения «детёнышей», отгоняя надоедливую кунджу. А потом, потеряв все силы и уже ничего не соображая, они плыли, уносимые водой в море... Рыба после нереста умирает, но не сразу. А плывёт себе по течению и по дороге стучается о камни, и из неё выпадают куски. Я стоял в воде, а рыба тупо тыкалась в мой сапог, а я её отгонял... Я спустился немного вниз по реке, зашёл на мост и понял, почему всё дно реки было белого цвета. То были рыбы кости.

А дальше мы готовили уху. Такую уху, пожалуй, больше я нигде не ел. Мы бросали головы рыб в чан, варили, а кости выбрасывали. Так проделывалось многократно. В конце концов уха приобрела такую консистенцию, что в ней стояла ложка. А пока уха готовилась, свободный от вахты народ заготавливал икру.

А наутро мы и наш ЗИЛ двинулись с полным чувством глубокого удовлетворения домой.

ЗКП

ЗКП — это запасной командный пункт. Как-то модным стало устраивать его у каждого фронтового соединения, то есть у округа или флота. А где надо устраивать эти сооружения? Естественно, в тылу. Вот и разработали флотские проектировщики проект ЗКП и поместили его в далёкое от Владивостока село. И пошло строительство. Однако флотские строители стали замечать, что по этому же селу снуют самосвалы с армейскими номерами. Спросили их начальство: «А что вы здесь строите»? И получили ответ: «ЗКП округа».

Всё правильно, но оказывается, что тыл округа совпал с тылом флота. И пошли разборки. В конце концов, в Москве выяснили, что флот начал работы раньше. И окружные ребята исчезли.

ПКЗ

ПКЗ — это плавучая казарма. Я был в деловых отношениях с командиром ПКЗ «Забайкалье». Брал я у него регулярно матросиков для выполнения всяческих неквалифицированных работ. И вот по очередной надобности подхожу я к причалу, а судна на месте нет. А надо сказать, что в это время шёл ремонт причала. И когда дошло дело до работы на месте, где стояло это «Забайкалье», возникла необходимость переместить его. То есть отвести его на несколько десятков метров от стенки, переместить в сторону и снова пришвартовать к стенке. А поскольку судно своего хода не имело, эту сложную операцию производили с помощью двух буксиров. Я подождал, пока судно пришвартуют, взбежал по трапу, отдал честь флагу и спросил у вахтенного: «Где командир?». И тот на полном серьёзе ответил: «Командир после похода отдыхает». Но юмор не в этом, а в том, что назавтра командир ПКЗ появился со значком на кителе «За дальний переход», выданным ему по распоряжению командующего флотилией. Капитанец тоже был человек с юмором.

Рационализаторское предложение

Судоремонтный завод жил своей жизнью. Подводные лодки ремонтировались и отправлялись в дальние автономные походы в строго обозначенное время. И вот процесс затормозился. Сдавали заводчане один отсек в лодке и проверяли его на герметичность. Нагнетали туда воздух, закрывали и ждали, глядя на стрелку манометра. А она, гадина, не стояла на месте, а падала. А где был дефект, найти не удавалось. А сроки сдачи лодки приближались. И в кабине начальника завода проходили совещание за совещанием. И вот однажды выступил инженер по технике безопасности с предложением: «А давайте кинем в отсек дымовую шашку, создадим давление и посмотрим, где появится дым. Так мы найдём причину утечки». Идея всем понравилась, но так как на флоте все идеи наказуемы, то и поручили этому инженеру найти дымовую шашку.

А задание оказалось не таким уж простым. На флоте, конечно, были дымовые шашки, но это были большие бочки для постановки дымовых завес. А нужна была пехотная небольшая шашка. Но наш инженер был настырен и сообразителен, и он добыл в музее одной из школ дымовую японскую шашку времён войны. А дальше было просто. Кинули эту шашку в отсек, задраили его, включили компрессор и стали наблюдать. А дыма нигде не наблюдалось, да и стрелка манометра стояла недвижимо. Тут же вызвали для приёмки военпреда и подписали с ним акт сдачи. Но он сказал: «Ладно. Сбрасывайте давление, отдрайте люк и покажите мне отсек». Так и сделали и — остолбенели. Всё пространство отсека было покрыто гарью. Попытались стереть, но обнаружили, что поверхность нержавеющей труб изъедена. Срочно написали в научноисследовательский институт и выяснили, что шашка была не простая, а с хлором, который грызет нержавейку, как масло. А дальше были оргвыводы. Гарь стёрли спиртом.

Лодку выпустили в рейс, но недалеко и ненадолго, вскоре вернули её на завод и заменили все трубы в отсеке.

А инженера уволили и выгнали с Камчатки. Вот уж действительно инициатива наказуема.

Сдача дома

Одной из характерных черт ушедшего в небытие СССР было приурочивание каких-нибудь событий к каким-нибудь датам. Так и мне частенько доводилось вылезать из кожи, чтобы успеть сдать объект к какой-нибудь приближающейся дате. И вот однажды пришлось подписывать сдачу жилого дома 31 декабря.

И мне, субподрядчику, начальнику участка сантехнических работ, необходимо было представить генподрядчику документы о сдаче результата своих работ. То есть каждый жилец дома должен был расписаться в том, что все сантехнические работы в его квартире выполнены, и претензий он не имеет. И тут я придумал хитрую хитрость.

Сидел мой сержант в подвале дома и выдавал жильцам сантехнические аксессуары: барашки к смесителям, пробки для ванны и просил каждого жильца поставить подпись под номером своей квартиры. А моя хитрая хитрость заключалась в том, что я позже написал на титульном листе надпись: «Все сантехнические работы выполнены. Претензий не имею». А потом подложил листы с подписями жильцов.

И всё шло своим чередом, когда ко мне поступило сообщение о том, что в третьем подъезде забились канализация. Побежал я туда и стал разбираться. Дело в том, что воду в дом мы дали недавно, а канализационные стояки были смонтированы задолго до этого. А ими всё-таки пользовались, вот они и засорились. Определил я место засора. Это был участок канализационной трубы от стояка до колодца. Ну не раскапывать же землю над этой трубой. И опять пришлось принимать решение. В соседней части была такая машина, называемая «нейтрализатор». Я побежал в эту часть, и мне удалось на бартерной основе, не буду уточнять на какой, выпросить эту машину. А машина эта представляла собой грузовик, в кузове которого был установлен мощный компрессор. Мы раскатали шланг от этого компрессора и засунули его в канализационный колодец, законопатив как можно тщательней щель между шлангом и трубой. И включили компрессор. Давление начало расти. А я пошёл в подвал, где мы сняли крышку ревизии со стояка и стали ждать, укрывшись в стороне от стояка. И вот давление достигло 8 атмосфер. Раздался глухой хлопок, и весь собравшийся засор рванулся вверх по стояку, выбросив небольшую порцию своего неприглядного содержимого через отверстие ревизии в подвал. После этого весь столб этой суспензии с чавкающим звуком рухнул вниз и спокойно устремился в колодец, где мы успели уже выдернуть шланг из трубы. Я дал команду открыть краны в квартирах по этому стояку, чтобы убедиться, что с засором покончено. Мы смотрели шланг и отпустили нейтрализатор. Но это ещё не всё.

Вдруг ко мне подскочил жилец однокомнатной квартиры на первом этаже. И, спросив меня: «Кто здесь главный?», попросил зайти к нему в квартиру. Я давно обратил внимание на этого жильца и его беременную жену. Уж очень они выделялись среди других жильцов. А были они оба учителями музыки в гарнизонной школе. Я зашёл к нему домой и остолбенел. Такого я не видел ни до, ни после этого.

Немного об устройстве унитаза. Унитаз в разрезе напоминает мортиру. И если подать жидкость со стороны его слива в канализацию, то он и сработает, как мортира. А поскольку дверь в санузел была открыта, то струя этой жидкости ударила точно в центр потолка и тут же растеклась по всей его поверхности. И весь потолок принял желтоватую окраску, а жидкость, покрывающая потолок, скапливалась в сосульки и со шлепками падала вниз.

Сцену дополняла беременная жена хозяина квартиры, которая сидела на диване, стоящем точно посреди комнаты. Она смотрела на эту картину, и её рвало на пол. Ну что я мог сказать? «Двери в туалет закрывать надо!»

Позже, когда я их встречал на улицах нашего городка, они со мной вежливо и грустно здоровались...

Раздача слонов и материализация духов

Самой почитаемой жидкостью на флоте всегда считалось «шило», то бишь спирт. Владелец этого напитка владел почти всеми сокровищами света белого. Вот и я имел доступ к заветной канистре. А хранителем этой канистры был начальник цеха судоремонтного завода. И я был с ним в дружеских и производственных отношениях. То смеситель у кого-нибудь дома поставить, то заменить кому надо по его просьбе унитаз, то установить у него в кабинете осевой вентилятор. Стоимость каждой такой работы измерялась в литрах и записывалась в журнале. А получал начальник цеха на складе это «шило» раз в месяц.

И вот настал день «Ч». В кабинете начальника цеха собрались кредиторы в ожидании прихода этого начальника со склада. А кабинеты руководителей располагались на втором этаже поперёк здания. Если сидеть за столом в помещении его кабинета, то через окно во всю стену хорошо просматривался весь цех. А был он заставлен какими-то конструкциями, похожими на отсек корабля. И, наблюдая за цехом, мы увидели входящего в торцевую дверь начальника с двумя канистрами в руках. Но вид его нам как-то не понравился. Такой торжественный момент, а он мрачный. Поднялся он к нам в кабинет и сообщил неприятную новость. Спирт он получил, но наливали его из бочек, на которых был изображён череп с костями, и была надпись «ЯД». И, кроме этого, он был вынужден расписаться в специальном журнале, подтверждая факт своего ознакомления с тем, что эту жидкость принимать вовнутрь запрещено. В кабинете повисла глубокая тишина, а начальник, оставив канистры, удалился в свой отсек и стал грустно заниматься там своими повседневными делами. А в это время из одного почти готового отсека вылезла местная достопримечательность – дядя Вася. Он работал здесь чуть ли не с основания завода сварщиком высочайшего разряда и, естественно, был особой, приближённой к начальству. И он знал секретную информацию о времени получения «шила». Вот он быстренько взбежал к нам в кабинет и, не найдя взглядом начальника цеха, обратился по старшинству — не званий и должностей, а по старшинству пребывания на заводе, — к Якову Соломоновичу. А был тот начальником расчётного бюро.

– Соломоныч, а как насчёт освежиться?

Никто из нас не успел и глазом моргнуть, а Соломонович уже открыл канистру и, плеснув «шило» в стакан, придвинул дяде Васе. Тот моментально испил дозу, запил водой из стоящего тут же графина и сказал: «Благодарствуйте!» И исчез где-то в цеховых дебрях. И тут началось... Выбежал начальник цеха. А дальше — как в фильме «Бриллиантовая рука»: «Всё пропало, всё пропало!!! Гипс снимают, клиент уезжает! Я убью его!» ... Меня посадят! Он отравился! Сейчас помрёт в муках!... Да вон он опять идёт сюда. И действительно, перед нами появился дядя Вася и попросил повторить. Повторил и вышел, довольный жизнью. И тут кто-то из кредиторов заявил:

– Ну и что? Так и будем сидеть и смотреть, как он всё употребит?

И начальник цеха махнул рукой, разрешив раздачу. А потом заводчане написали в центральный институт письмо с просьбой объяснить им правила пользования этим спиртом. И пришёл ответ. Действительно, в этом спирте находится ядовитое вещество, которое не удаляется из организма. Но смертельная доза наступает после пропуска через организм 10 000 литров этого вещества. Вот и я жду, когда эта доза будет достигнута.

Воспитательные армейские зарисовки

Флот – организация специфическая. Флотские должности были подвержены процессу эволюции. Так, со времён флотского строительства существовала такая должность – замкомпоморде, то есть заместитель командира по морским делам. Однако шутники называют эту

должность «замком по морде». Должность эту занимали замполиты, а эти деятели, конечно, блистали своими изречениями. Вот кое-что из их перлов:

- У империалистов руки по колено в крови.
- Все наши предложения для них – как лбом об гороховую стену.
- А ваши оправдания для меня яйца ломанного не стоят.

Строится перед выходом на работу военностроительный отряд. И провожает его, как уже повелось, замполит вот такой напутственной речью:

– Бойцы! До меня дошли слухи, что в быту солдат нерусской национальности называют «чурками». Этого делать нельзя. Это принижает их национальное достоинство... Я долго с вами на эту тему разговаривать не буду, но вот вам мой категорический приказ. С этого времени чурок «чурками» не называть!

А вот ещё отрывок из доклада этого же велеречивого замполита по поводу Дня Победы:

– Руководители фашистской Германии того времени: Гитлер, Геринг, Гиммлер, Геббельс и другие товарищи...

Замполиты, переименованные в «заместителей командира по воспитательной работе», которых называли «гинекологами солдатских душ», славились своими речами. И не даром в войсках ходило изречение:

- Чем замполит отличается от комиссара?
- Комиссар говорит: «Делай как я!», а замполит: «Делай, как я говорю!»

Вот отрывок из выступления замполита о наглядной агитации:

– Ленинскую комнату запустили до безобразия. Захожу я туда, а все члены Политбюро лежат на столе и даже на полу, а Громыко с Андроповым – их вообще нет.

Воспитательной работой в войсках занимались по должности представители политотделов, замполиты частей и подразделений, а далее – все вышестоящие по отношению к нижним чинам. А внизу этой пирамиды был солдат.

А ещё в обязанности замполитов входило составление характеристики на подчинённого. Например, такие перлы:

- «Водку пьёт, но с отвращением»;
- «Настолько отупел, что перестал спорить с начальством».

Но основным средством воспитания, конечно, после мата, считалась наглядная агитация. Меня умилял плакат:

«Воин! Помни! За тобой – небо столицы».

Дело происходило в глухих заснеженных лесах, в городе Савватия, откуда не только до столицы, но и до ближайшего города добраться было проблематично. В каждой казарме висели агитационные плакаты типа:

«Хочешь что-то сделать – ищешь способы, не хочешь – причины».

Особой колоритностью воспитательной работы отличались прапорщики. В ПВО (части противовоздушной обороны) вот как один, например, наставлял пришедшего из увольнения поддатого солдата о вреде пьянства:

– «ПВО» означает: «Пей. Всегда. Один!», а задом наперёд: «Организуешь Выпивку – Попадёшься!». Это тебе инструкция для службы, сынок, чтобы ты понимал, что такое ПВО.

А на попытки обвиняемого оправдаться он отвечал:

– Думал? А чем тебе думать? У тебя же всего одна извилина между ног, и той ты шевелишь только при ходьбе!

А вот к офицерам начальство применяло такое выражение об извилине:

– Думал? А чем тебе думать? У тебя всего одна извилина в голове. И та – от долгого ношения фуражки!

Авиационный разнос

Прибыла очередная комиссия во главе с заместителем командующего КТОФ по авиации, генерал-лейтенантом, по случаю проверки состояния строящегося авиаремонтного комплекса. Задача каждой комиссии — придать ускорение процессу строительства и выдать всем так называемые «фитили». И, естественно, весь разговор проходил на непарламентском языке. А присутствовавшие на этой встрече строители представляли собой командиров управлений и их подчинённых. Разнос был могучий. Пух и перья летели во все стороны. Самое мягкое наказание было: «уволю, сниму» и даже «разжалую». И вот всё подошло к концу, вошёл адъютант генерала, доложил о том, что самолёт к вылету готов, и подал генералу шинель. Стояла мёртвая тишина. А генерал, надевая шинель, спросил у главного строителя, полковника, начальника УИР:

- А знаешь ли ты, полковник, что такое говно?
 - Так точно, товарищ генерал-лейтенант, знаю, – ответил тот.
 - Так вот, говно – это компот по сравнению с вашей работой.
- И уехал. А нам всем почему-то – полегчало.

Столкновение судов

Бывают ситуации, которые можно разрешить одним словом. Вот однажды на входе в бухту Золотой Рог столкнулись два корабля – рыболовный сейнер и сторожевой корабль. И вот разбирает это событие арбитражный суд. Состоит он из многих опытных специалистов. Идут прения, и ни одна сторона не соглашается отступить и считает виновной противоположную сторону. А в углу тихо дремлет старенький капитан. Ведущий заседание обращает на него внимание и спрашивает:

- А у Вас какое мнение по этому событию?
 - А я думаю, – говорит капитан, – что не была права Варвара, что Бориса обосрала. Но не прав был и Борис — рядом с жопой не садись!
- Решение тут же было принято. Ответственность распределилась пополам.

Сказ о гидранте

Стоит задача дать на объект воду. Чтобы её, милую, дать, нужно моими новыми трубами подключиться к магистральному трубопроводу. А для этого надо этот трубопровод отключить. Но вся беда в том, что по этому трубопроводу подаётся вода в дом начальника нашего гарнизона. Ну как же его, родного, оставить без воды, даже на короткое время? Вот такой возник «гордиев узел». И тут подъезжает ко мне начальник строительного управления. И на высоких тонах с употреблением ненормативной лексики спрашивает:

- Ну и где вода?

Объясняю ему ситуацию. Он секунду размышляет и принимает решение. Вот это был урок мне, юному лейтенанту, пример разрубания гордиевых узлов. Он подозвал своего шофёра и хриплым от мороза и мата голосом приказал, указывая на гидрант:

- А ну-ка привяжи к этой херовине трос и дёрни его! Под силой узики гидрант не устоял, и в небо ударил фонтан воды.

– Ну а теперь звони в аварийную службу, – сказал он мне, – и сообщи, что здесь у них течь.

В момент воду отключили, и врезка состоялась, да ещё заказчик нижайше попросил меня поставить новый гидрант.

Рыба

Как известно, лучшая рыба – это колбаса. Но это везде, только не на Камчатке. Рыбы на Камчатке много – наверное, потому что там её родина. И идёт она на нерест, поднимаясь даже по маленьким горным речушкам. Вот тут-то её, бедную, и ловят всяческими правед-

ными, а порой и несправедливыми способами. Но на страже и на защите рыбы стоит доблестный Рыбнадзор. А на моём участке, кроме солдат, трудились и гражданские опытные сварщики. А все гражданские, конечно же, – закоренелые рыбаки. И вот один из них дождался наконец-то отпуска, без которого он обходился уже два года. А ехать на материк следовало, конечно, с запасом местной, камчатской продукции. Он, предварительно проставившись, как положено, за неделю до отлёта выехал на своём мотоцикле «Урал» на рыбалку. И вдруг через неделю приходит он ко мне и сообщает, что отпуск отгулял и готов снова приступить к работе. И рассказывает свою грустную историю.

Поехал он на рыбалку. Рыбалка оказалась удачной. Он нагрузил свой мотоцикл с верхом икрой, рыбой различной модификации, двинулся в обратный путь и нарвался на патруль Рыбоохраны. А те, чтобы не повадно было другим, забрали весь его улов и выкатили такой штраф, который ему пришлось покрывать всеми накопленными к отпуску средствами. Я выразил ему своё соболезнование и предложил выходить на работу. Вот до чего иногда доводит любовь к рыбе.

А рыба бывает разная, вот мне разок попалась осветительная. Однажды мы сидим за столом, главным украшением которого являлось блюдо, полное красной икры. И вдруг выключается свет. Так у нас бывало частенько, когда подводные лодки начинали зарядку аккумуляторов. Так вот. Свет-то выключился, а в комнате светло. Пригляделись, а свет исходит из блюда с икрой.

– Ну и где ты её взял? – спросили мы у гостя, который принёс это сокровище.

Выяснилось, что ловили эту рыбу в проливе, на берегу которого находились «могильники». Это места захоронения радиоактивных отходов. Естественно, их днища должны были быть герметично отделены от моря. Но, видимо, просочилось...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.